

Вандышев В.Н.

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОСТМОДЕРНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Автор звертається до аналізу витоків постмодерністських уявлень про систему соціальних комунікацій в сучасній європейській філософії. Він виходить з того, що основа постмодерністської філософії – мобілізм як прагнення до відкритості. Мобілістська критика не схильна вступати з владою в діалог, вона не влаштовує торг, а оголює сталі «істини», віру в «прогрес» і «винагороди», позбавляє їх ілюзорного блиску. Значна увага приділена аналізу ролі інформації у глобалізованому світі.

Автор обращается к анализу истоков постмодернистских представлений о системе социальных коммуникаций в современной европейской философии. Он исходит из того, что основа постмодернистской философии – мобилизм как стремление к открытости. Мобилистская критика не склонна вступать с властью в диалог, она не устраивает торг, а обнажает установившиеся «истины», веру в «прогресс» и «вознаграждения», лишает их иллюзорного блеска. Значительное внимание уделено анализу роли информации в глобализованном мире.

The author turns to the analysis of sources of postmodern tendencies on the system of social communications in modern European Philosophy. He proceeds from the basis of postmodern philosophy – mobilizm as aspiring to the openness. The critic of mobilizm is not inclined to come into dialog with power, it does not arrange bargaining, but it bares the set «truths», faith in «progress» and «rewards», deprives their illusive brilliance. Considerable attention is paid to the analysis of the role of information in the globalized world.

Постановка проблеми. Важним моментом, побуждающим к исследованию особенностей социальной коммуникации и проблемы персонального общения с позиций развития европейской философии истекшего столетия, стала философия постмодернизма. Как знаковое явление она предстала в литературно-публицистических и философских трудах Дж. Фулза, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Батая, Ж. Дерриды, М. Фуко, Р. Барта и других мыслителей XX века [см.: 5: 8; 10;]. Определённое отображение нашла эта тема и в работах ряда украинских и русских учёных, среди которых можно отметить работы И.В. Арнольда, О.А. Бабелюк, М.М. Бахтина, Ф.С. Бацевича, О. Забужко, Ю.М. Лотмана, Е.С. Переломовой и др. [см.: 1-3; 6; 9-12].

Изменения, происходящие в современном глобализованном и охваченном информационными сетями мире, существенно отличают складывающуюся систему социальных коммуникаций постиндустриальных стран Запада и Востока. Изменения происходят как в горизонтальной, так и в вертикальной межстратовой плоскостях. Явные и смутные тревоги, растущая обеспокоенность в обществе проявляется и в участившихся выступлениях в печати общественных деятелей, социологов, политологов и литераторов. В своих работах Э. Вайцеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс, В.Л. Иноземцев, Дж. Сорос, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма, И. Валлерстайн, У. Эко, С. Хантингтон, А. Бард и Я. Зодерквист, П.Дж. Бьюкенен и др. [см.: 4; 7 и др.] с беспокойством взирают в будущее человечества, анализируя особенности межэтнических, межконфессиональных и межрегиональных коммуникативных процессов, развивающихся в мировом сообществе.

В условиях радикальных изменений в производстве и в быту философская и публицистическая мысль должны были находить альтернативы. Очевидно, есть несколько причин появления постмодернизма в философии. Прежде всего – это

распространение позитивистских учений, поскольку неопозитивизм и лингвистический позитивизм, явно не вписываются в привычные философские рамки. Ну и, конечно же, европейский постмодернизм – это следствие студенческих волнений 1968 года в Париже. Значительные массы студенчества вкупе с коммунистическими активистами сошлись на баррикадах, бунтуя против ценностей буржуазного общества и против него в целом. Поколение молодых французов-студентов, как и движение хиппи, как и участники американского движения за мир времен вьетнамской войны, было движимо убеждением, что капиталистическая система обанкротилась и ее следует радикально преобразовать. Это неоднородное движение возглавляли и вдохновляли ряд авторитетных деятелей, включая марксиста и философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, воодушевленного идеями Мао Цзе Дуна. В той ситуации многие ратовали за изменение системы взаимоотношений в обществе, за новые формы межличностной и интерклассовой коммуникации.

Исходя из того, что, начиная с античности, с самых ранних философских течений, западная социально-коммуникативная мысль всегда была неоднородной, представляется возможным показать ее развитие как постоянную конфронтацию мобилистской и тоталистской традиций, **что и составляет цель настоящей статьи.**

Действительно, практически все исследователи истории философии акцентировали внимание на разнонаправленности философских идей, начиная с эпохи античности. Можно по разным критериям проводить дифференциацию исходных философских идей: материализм и идеализм; реализм и мистицизм; рационализм и сенсуализм; агностицизм и скептицизм; монизм и дуализм и т.п. Но можно принять и еще одно членение, которое в некоей системе терминологии можно обозначить как мобилистскую и тоталистскую традицию. В этой системе, например, философия Гераклита – это мобилизм, а философия Платона и Сократа – тотализм.

Тоталистская традиция характеризуется стремлением создать великую систему, выявить единственную теорию для всеобъемлющего объяснения жизни, истории, взаимоотношений отдельных людей и различных социальных групп людей. Сократ, Платон и Аристотель – центральные фигуры тоталистской традиции, чьи идеи были развиты Декартом и Кантом, Гегелем и Марксом. В этом же направлении развивалось христианское учение и политическая идеология капитализма. В тотализме философские правила аксиоматичны и воспринимаются как данность. Его – основа этой системы: подразумевается, что все мироздание вращается вокруг его, подобно тому, как Луна вращается вокруг Земли. Мышление автономно и пытается осветить и рассмотреть существование, исходя из фундаментальной предпосылки. Так что наблюдение идет от его в направлении к окружающему миру. Тоталистскую философию интересует взаимосвязь между душой и телом (= ego и миром), поэтому она в основе дуалистическая. Цель тотализма – создать систему, которая служила бы практическим руководством по миру и жизни. Фундаментальные вопросы этой философии связаны с понятием идентичности человека: кто он есть, и каково его место в мире. Естественно, это подразумевает и определенное видение меня в отношении другого и другого в отношении меня.

Мир, в котором на все вопросы есть ответы, является совершенным миром, миром цельным (от англ. totality), а в результате – утопией, ставшей манифестом. Как никакое иное в этом плане показательное учение Платона, утверждавшего, что эта утопия уже существует, и что она истинно реальна, реальнее чувственно воспринимаемой реальности. Воспринимаемая нами реальность, на самом деле лишь смутный образ сверхреального мира идей. Поэтому для Платона поистине существуют лишь идеи, которые непостижимы, в то время как вещи, которые мы постигаем, представляют лишь несовершенные копии идей. И христианство, трудами многих

отцов его, приняло тоталистскую концепцию в платоновской интерпретации и как идею потерянного рая, и как идею грядущего Царствия Небесного.

Для политических идеологов тотализма, утопия не есть данность прошлого, но скорее достижимый и желательный проект. Сами люди постепенно делают эту утопию реальностью, сначала в виде мысли, затем как видение, затем в реальности, в системе социальных коммуникаций посредством интенсивной политической деятельности. Поскольку Бог вне поля нашего зрения, люди сами должны преобразоваться в Бога и стать властителями своих судеб, если собираются реализовать свою утопию. Задача тоталистской философии состоит в том, чтобы указать, как этого можно достичь.

Развиваясь с различной интенсивностью на протяжении длительного времени от античности до нашего времени, тоталистское мышление произвело на свет необъятную паутину законов, правил, предрассудков и массовых стереотипов, призванных регулировать все многообразные взаимоотношения в обществе, в отдельных группах людей, в семье и т.д. Тоталистская философия имеет еще одну особенность: для неё и сама философия – это всего лишь инструмент, который по достижении цели является излишним. Сколько раз во времена СССР проводились дискуссии о сущности и назначении философии! Когда утопия будет достигнута, потребность в тоталистской философии отпадет, подобно тому, как фонарь становится ненужным, если вы уже выбрались на свет. Важно, что эта философско-этическая подпорка обеспечит функционирование в обществе устойчивых коммуникаций.

Но есть ключевая проблема: разные исходные принципы отличают тоталистские направления друг от друга, поскольку различаются представления о желаемой утопии. Множество различных верований, собранных под тоталистской крышей, легко приводит к распространенному заблуждению, что саму мысль необходимо структурировать тоталистским образом, а другого способа мышления попросту быть не может. Впрочем, и сам язык наш насквозь пропитан духом тоталистской традиции, препятствующей альтернативному мышлению и гибкой системе отношений.

Ключевая ценность тотализма наиболее явно прослеживается в столь привычном нам антропоцентрическом взгляде на мир, когда все соотносится с человеком и его потребностями: все, что нам интересно в других объектах, событиях или существах – это их похожесть на человека или полезность человеку, который и есть мера всех вещей. Посмотрите на содержание современной рекламы, оно говорит само за себя! Смысл жизни – это сами люди, их чаяния и надежды, и/или спасение отдельного человека. Чем сильнее похожесть или полезность чего-либо для людей, тем выше ценность. *Рене Декарт, – этот философ далекого XVII века, удивительно современен, потому что вслед за ним мы можем сформулировать кредо современного человека: «Я мыслю, следовательно, Я существую» Но поскольку именно Я думаю, то именно Я и решаю; а поскольку Я здесь принимаю решения, то Я заставляю реальность подчиниться своей воле.* Но парадокс в том, что реальность не желает подчиняться даже моему Я!

Бесспорно, переход от феодализма к капитализму был связан со сменой парадигмы как в развитии науки, так и в технологиях. Прежде всего, именно астрономы-ученые Н. Коперник, И. Кеплер, И. Ньютон и Г. Галилей, заложили основы нового взгляда на мир. Что-то пытались сделать в этом направлении и мыслители раннего капитализма, философы эпохи Просвещения. Однако стремление установить некую независимую объективную истину и найти центр бытия оставалось актуальным. Не было идеологического пространства, в которое можно было втиснуть новое представление о мироздании, в котором отсутствовал центр, детерминирующий всё множество коммуникаций.

Мобилистская традиция берет начало от Гераклита Эфесского. Мобилистская традиция характеризуется стремлением к всеобщей открытости. Каждый субъект стремится приспособиться к реалиям окружающего мира, примириться с обстоятельствами существования, с тем, чтобы использовать эту позицию как стартовую площадку для улучшения условий, навязанных судьбой. Идея здесь находится вне бытия и вне людей, а его не является данностью. Логика философствования направлена от мира к субъекту. В мобилизме вопрос не требует ответа, за ним прячется следующий. Вопрос выражает страстное стремление к свободной и бескомпромиссной мысли, интеллектуальной полноте, свободе выбора. Поэтому, ответ – это всегда тупик развития мысли, отвлекающий маневр, удобное пристанище. А настоящее – это то, что есть, настоящее – это действительность, это реальность существующих отношений и связей.

Мыслитель-мобилист противник утопии, поскольку утопия – это явный инструмент власти, требующий от человека полного подчинения и ограничивающий его в свободном мышлении и полноценной жизни в настоящем. В обмен на его свободу в более или менее отдаленном будущем человеку обещана награда, награда за добровольное рабство и страдание, на которое человек себя обрекает либо потому что его одурачили, либо потому что он позволил, чтобы его одурачили, либо хотел, чтобы его одурачили. Мобилистская философия отвергает все это, а взамен награды предлагает воздух свободы и ограниченные, но реальные возможности в настоящем. Цель – высветить и обезвредить любые попытки оправдать иерархии, которые мы вынуждены строить только лишь для того, чтобы сделать существующую структуру отношений более понятной. Такая цель требует от философов так формулировать свою критику власти, чтобы критика стояла вне «конструктивности», потому что требование «конструктивности» отражает требование власти к философии быть полезной для власти. «Конструктивная критика власти» *одомашнена и безвредна* уже в момент, когда ее провозглашают.

Мобилистская критика не склонна вступать с властью в диалог, она не устраивает торг, а обнажает установившиеся «истины», веру в «прогресс» и «вознаграждения», лишает их иллюзорного блеска. Требование свободы распространяется и на отношение философов к собственной философии: мысль должна быть совершенно свободна! Как только философы предъявляют право собственности на свои идеи, они немедленно олицетворяют себя с властью, которую критикуют. Это, естественно, проблематично, потому что означает, что мыслитель-мобилист не может нести ответственность за реальные и практические последствия своих идей. Здесь таится колоссальный риск, но и столь же колоссальные возможности, которые являются неотъемлемой частью философии мобилизма. Никогда нельзя сказать заранее, чем все это закончится!

Парадокс истории в том, что идеи мыслителей-мобилистов имплантировались в тоталистское общество: 1) разоблачительная теория Макиавелли о стратегиях борьбы за власть на самом высоком уровне была высоко оценена и использована; 2) антифашистская философия Ницше, вывернутая наизнанку, стала идеологическим оружием нацизма в Германии 1930-х годов. Именно с появлением Фридриха Ницше, мобилизм всерьез заявил о себе на философской арене. Ницше отверг традиционные тоталистские вопросы о смысле всего сущего и о морали, в её философском понимании, и вместо этого прямо обратился к более сложным вопросам мобилизма о том, «кто говорил то, что было сказано, и почему». Ницше отринул все разговоры по поводу того, что бытие имеет скрытый внутренний смысл или объективную цель. Он заявил, что существование есть процесс общения-столкновения бесчисленного множества конфликтующих сил. Практически бессмысленно рассуждать о каком-либо

статическом состоянии нашего бытия, есть лишь непрерывный процесс становления. Существование не есть что-то само по себе, оно становится чем-либо в процессе изменчивого взаимодействия конфликтующих сил. Анализ существующих связей и отношений становится актуальным.

По Ницше, все разговоры по поводу морали имеют целью предоставить правителям инструмент контроля над массами, а массам дать возможность контролировать личность. Поэтому он подверг критике весь тоталистский проект Просвещения. Ницше заявил, что Просвещение отнюдь не ставило своей целью создание лучшего, более открытого мира для людей, а скорее имело намерением заключить людей в рамки замкнутой системы, в которой ориентиром стало понятие нормальности, а недовольство и конформизм – ключевыми характеристиками. Двумя главными целями его нападок были, прежде всего, христианство в духе ап. Павла и то, что он считал его позднейшим наследником – гуманизм. Вместо гуманизма он отстаивал свой собственный идеал – сверхчеловека, чьи действия активны и позитивны. Он поместил жизнь и все ее многообразие над всем остальным. Порыв свободного, ничем не сдерживаемого акта созидания в процессе жизни он назвал жаждой власти.

Вполне закономерно, что в начале 1970-х наступил прорыв принципиально нового философского учения, в авангарде которого стояли два ницшеанца: Жиль Делёз и Мишель Фуко. Мобилистская традиция вновь обрела опору в научном мире и стала распространять свое растущее влияние. Идеи Ницше покорили Францию и быстро расширили границы своей империи.

Фуко, Делёза и их многочисленных последователей назвали, в основном их оппоненты-философы, постмодернистами. Этот противоречивый термин возник в связи с тем, что они подвергали критике позднейший проект тотализма – модернизм. Делёз также разработал свою собственную концепцию, которая, представляет значительный вклад в философию XX в. Соединив монизм Спинозы с ультраматериализмом Ницше, Делёз произвел фронтальную атаку на тоталистское восприятие его как устойчивого феномена, а равно и на тоталистический дуализм и диалектику.

Продолжая традицию Ницше, Ж. Делёз представлял бытие как постоянный конфликт разнонаправленных сил, интересуясь различиями между этими силами. Из точки, в которой возникает это различие (Делёз назвал её точкой неравномерности), оно продолжает беспрепятственно распространяться, одновременно являясь причиной возникновения новых различий. Так что это вопрос отношения к миру, в котором бытие не может находиться в человеческом сознании, поскольку бытие изменяется и распространяется во всех направлениях со скоростью, превышающей наши способности к осознанию. Следовательно, тоталистские претензии получить законченную картину бытия являются абсурдом. Философия Делёза сконцентрирована вокруг центральной точки мобилистской оси времени – события и его петли обратной связи.

И радикальный вывод: не его производит мысли, а скорее мысли производят его. Когда мысль меняется, меняется и оно. Не существует такой вещи, как неизменное его, базовая предпосылка тотализма. Поэтому невозможно утверждать, что человек в качестве суверенного субъекта в состоянии открыть «истину», изучая окружающую среду. Вместо этого мы вынуждены признать, что человек по большей части конструирует истину-реальность, соответствующую его целям и обстоятельствам. Никакая истина не выживает вне обстоятельств, в которых создается и в которых функционирует. Новая парадигма требует новых идей (концептов).

Поэтому вполне закономерно, что проблема реальности периодически становится центральной. Всегда требуется время, чтобы мы привыкли к новой реальности, чтобы произошедшие изменения оформились в целостную систему, чтобы новая реальность воспринималась как само собой разумеющееся. Только к середине XX века достижения науки и техники стали массово использоваться в быту сотен миллионов людей. Ныне же миллиарды людей не мыслят своей жизни без

електричества, холодильника, телевизора, мобільного телефону, індивідуальних і суцільних транспортних засобів.

Для сотен мільйонів людей і Інтернет став важливим неотъемлемим атрибутом трудової діяльності і життєдіяльності взагалі. Врештеш, всі існуючі сьогодні блага, даровані науково-технічною революцією і розвиваючимся інформаційним суцільством, ще не обрели системного характеру. Є достаточні основи виходити з того, що інформаційно-цифрова революція передбачає неймовірне розширення можливостей людського мозку за допомогою його інтеграції в електронні мережі комунікацій¹.

Означені процеси будуть доповнені можливістю побутової техніки «розумно» взаємодіяти з іншими об'єктами в цілостній мережі. Що-то «порадить» господарю холодильник, що-то телефон, що-то персональний комп'ютер, а що-то порадить один агрегат іншому. Тоді зміни по-справжньому ввійдуть в життя, радикально змінивши її.

Находясь в пошуках істини, людина повинна віддавати все себе іменно істині, а не домыслам і не декларованим і розповсюдженим доктринам. По думці Е. Ренана, людина повинна слідувати двом великим законам: «1) немає людського справи, під яким би іменем воно ні являлось, хоча би під іменем Ісуса Христа, будь воно святіше за предмет, чистіше за засоби, яке обійшло би без впливу і участі страстей; 2) що інститути необхідно відстають від руху людства; що заклади такого-то століття стають в протиріччя з наступним, і підтримувати їх – то те, що старатися оживити трупу»¹. І справа навіть не в тому, хто визначив сутність цих цілком прийнятних для здорового розуму законів. Важливо зрозуміти, що завдання мислячого людини заключається в розумінні неминучості і неотвратимості науково-технічних і суцільних змін, в тому, щоб бути готовим до них і старатися їх передбачити. В цьому плані цілком можливо відчути радість від своєї причастності до змін і зробити все можливе, щоб вони відбувалися в бажаному напрямку. Уділ же всіх інших – підкоритися трапищам і трапищам змін як в області техніки, так і в області співіснуючого їй мови.

Тоді і сьогодні, мільярди людей, живущих в глобалізованому світі, повсюдно знаходяться під колосальним тиском інформації, всі більш повноцінні інформаційні потоки втягують нас в новий світ відносин, контури якого вже декілька десятиліть старатися обрисувати філософи, письменники-фантасти, політики і соціологи. Тому сьогодні для нас дуже важливими стають представлення про сутність і перспективи інформаційного суцільства, яке породжує і новий світ суцільної комунікації, в значній мірі нематеріальний і віртуальний.

Розвиток і широке розповсюдження електронних мереж обострило ситуацію для тих людей, хто звик орієнтуватися на норми і цінності старого світу, де ці мережі були чітко прив'язані до певних державних і суцільних структур, де панували певні цензурні і підцензурні норми. Інформація і дезінформація в тому недавно минулому світі кем-то дозувалися, розповсюджувалися або приховувалися. Але з появою нових інформаційних мереж і всі більш їх «демократизацією» і «розпущеністю» Інтернету ситуація суттєво змінюється. Старі «фільтри», які масштабно обробляли існуючі (управляемі!) потоки інформації, нині практично неспроможні передати вже колосально зростаючі потоки інформації.

Багато пишуть про тенденції, притаманні нашому часу. Інститути, які підтримували старе суцільство і в своє час здавалися вічними і «натуральними», сьогодні переживають явний кризу і виглядають продуктами суцільства і ідеології, внутрішньо прив'язаними до обставин своєї історичної епохи: національне

¹ Тем більш, що є і проекти масової «кіборгізації», т.е. вживлення чипів в тіло людини, даби зробити його додатком комп'ютеризованої системи управління.

государство, парламентская демократия, нуклеарная семья и система образования. Рушатся сложившиеся институты межличностных, межгрупповых, межэтнических и прочих взаимоотношений.

Ряд современных западных социологов и футурологов ясно видят болевые точки капиталистического общества. Особенно внимательного анализа требует аргументация, приведенная П. Бьюкененом [см.: 7], который на большом фактическом материале и весьма обеспокоено рассмотрел многие процессы, произошедшие в США в последнее полустолетие. Действительно, известный нам опыт истории свидетельствует о различных вариантах гибели культур, государств, наций и империй. В одном случае это является результатом военного поражения; в другом – результатом поглощения другими государствами или империями; в третьем – результатом распада или разъединения. Возможно, что других вариантов Бьюкенен и не допускает. Поэтому вполне естественно, что и грядущую гибель западной цивилизации он рассматривает в рамках известных ему перспектив, например, поглощение западной цивилизации культурами третьего мира, основанными на иных формах коммуникации.

Таким образом, новая реальность появляется вследствие качественного скачка. Осознав, что прежний взгляд на мир устарел и привычные понятия больше не могут объяснить непонятные нам явления, мы вынуждены от него отказаться. Но в этом явлении есть и позитив: мы освобождаемся и от большого количества знаний, ставших ненужными, человеческое сообщество выстраивает и внедряет новые системы социальных коммуникаций, более мобильных и толерантных.

Литература:

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / Арнольд И. В.; [научн. ред. П. Е. Бухаркин]. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999.
2. Бабелюк О. А. Принципи постмодерністського текстотворення сучасної американської прози малої форми: монографія / Бабелюк О. А. – Київ-Дрогобич, 2009.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Бахтин М. М. – М.: Искусство, 1986.
4. Бард А. и Зодерквист Я. Нетократия / Бард А., Зодерквист Я. – С.-Пб., 2004.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Ролан Барт; [пер с фр.]. – М.: Прогресс, 1989.
6. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики / Бацевич Ф. С. – К.: Академія, 2004.
7. Бьюкенен П. Смерть Запада / Бьюкенен П. – М., 2004.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Делёз Ж., Гваттари Ф.; [пер. с фр. С. Н. Зенкина]. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
9. Забужко О. Инопланетянка // Жінка як текст: Емма Андіївська, Соломія Павличко, Оксана Забужко: фрагменти творчості і контексти: [упоряд. Л. Таран]. – К.: Факт, 2002.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма / Лиотар Ж.-Ф. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1998.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера / Лотман Ю. М. – С.-Пб.: «Искусство–СПб», 2001.
12. Переломова О.С. Фольклорні інтертекстеми – позачасова константа національного художнього дискурсу / О. С. Переломова // *Ucrainica III. Současná ukrajínistika. Problémy jazyka, literatury a kultury. 2. část / Sbornik článků.* – Olomouc: UP v Olomouci, 2008.
13. Переломова О. С. Лінгвокультурні коди інтертекстуальності українського культурного дискурсу: діахронічний аспект: Монографія / Переломова О. С. – Суми: Вид-во СумДУ, 2008.

ⁱ Цит. по: Веселовский А.Н. Предисловие научного редактора перевода / Ренан Э. Ж. Жизнь Иисуса. – М., 1991. – С. 6.